

атмосферой. Кроме того, этот мотив является устойчивым для творчества Пушкина 1830-х гг. («Полтава», «Каменный гость», «Русалка», «Пир во время чумы», «Медный всадник», «Пиковая дама»). В вариантах автографа Пушкин называет состояние Дубровского только лишь «внезапным припадком» (2; 768), никак не связывая это с сумасшествием, уделяя большее внимание внешним проявлением гнева: «топнул ногою, и схватив секретаря за ворот бросил его об пол» или «потом схватил кресла и пустил их в заседателя» (2; 768). Позднее Пушкин откажется от описания разрушительного проявления физической силы, сконцентрировав внимание читателя на гневных восклицаниях Дубровского, имеющих в повести глубокий, обобщающий смысл, гораздо более широкий, нежели возмущение царящим чиновничьим беззаконием: «Как! не почитать церковь божию! прочь, хамово племя! <...> псаря вводят собак в божию церковь! собаки бегают по церкви. Я вас уже проучу...» (1; 171). Страдания, связанные с крушением человеческой судьбы, становятся возможным передать лишь через безумие, сумасшествие, только состоянием, по своему ужасу превосходящим горе. Недаром исследовательница романа «Дубровский» Т. П. Соболева⁶ соотносит строки из «Медного всадника», принадлежащие Евгению: «Ужо тебе!»⁷, и слова Дубровского: «Я вас уже проучу».

Итак, целенаправленность работы Пушкина над текстом произведения выражается в различ-

ных по своей сути вариантах автографа. Наиболее значительными оказываются варианты, связанные с проблематикой романа и индивидуализацией характеров. Стилистические правки раскрывают принципы работы Пушкина над речью персонажей и автора-повествователя.

Исключение из текста романа упоминания о «славном 1762 годе», разлучившем бывших сослуживцев, оставляет центральной проблемой расслоение внутри дворянского сословия. От изображения типа «русского барина» Пушкин обращается к судьбам русского дворянства.

Примечания

- ¹ Пушкин А. Дубровский // Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 16 т. М. ; Л., 1937–1949. Т. 8, кн. 2. С. 755. В дальнейшем все ссылки на роман «Дубровский» даются в тексте по этому изданию с указанием книги и страницы в скобках.
- ² Пушкин А. Арап Петра Великого // Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 8, кн. 1. С. 19.
- ³ Там же. Кн. 2. С. 512.
- ⁴ Петрунина Н. Пушкин на пути к роману в прозе : «Дубровский» // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 9. Л., 1979. С. 146.
- ⁵ Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 11. С. 165.
- ⁶ См.: Соболева Т. Повесть А. С. Пушкина «Дубровский». М., 1963. С. 49–50.
- ⁷ Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 5. С. 148.

МОТИВЫ ГАРМОНИИ И РАЗЛАДА В РУССКИХ ПОСЛОВИЧНО-ПОГОВОРОЧНЫХ ТЕКСТАХ

М. В. Трухина

Саратовский государственный университет
E-mail: maruska-08@yandex.ru

В статье рассматриваются пословицы и поговорки русского народа, апеллирующие к категориям гармонии и разлада. Выделяются основные смысловые доминанты пословиц, связанных с указанными категориями. Основным источником пословиц и поговорок послужил сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа».

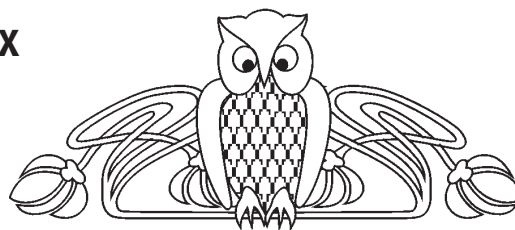
Ключевые слова: гармония, разлад, ссора, мир, конфликт, Даль, пословица, поговорка.

Motives of Harmony and Discord in Russian Proverbs and Sayings

M. V. Trukhina

In the article the proverbs and sayings applying to the categories of harmony and discord are analyzed. The basic semantic focuses related to these categories are singled out. The collection *Proverbs of the Russian People* by V. I. Dal has served as the main source of proverbs and sayings.

Key words: harmony, discord, quarrel, peace, conflict, Dal, proverb, saying.

Гармония и разлад – две противостоящие друг другу и две взаимно соотносимые универсальные ценности, два полюса человеческого бытия. Существуют внутренние противоречия, раздирающие человеческую душу, или, напротив, полное согласие человека с самим собой – его внутренняя гармония. Говорят о гармоничных межличностных отношениях или разладе с другими людьми. Самый масштабный уровень – гармония мироздания, которая занимает центральное место и выступает как норма в классической европейской (прежде всего народной) культуре. Главный конфликт здесь заключается именно в нарушении гармонии и поиске путей ее обретения.

Пословично-поговорочные тексты – редоточие народной мудрости, вобравшей в себя вековечный жизненный опыт, – так или иначе, в силу соприродной им смысловой бытийной уни-

версальности, обращаются к категории гармонии и/или проявлениям разлада. Иногда заметить это совсем не трудно – употребление лексем «ссора», «брань», «лад», «согласие» служит своеобразным маячком. Но чаще в народных изречениях понятия «гармония» и «разлад» скрываются за общечеловеческими ценностями (религия, вера), межличностными отношениями (дружба, любовь, ненависть), бытовыми реалиями (например, наличие/отсутствие хорошей пищи), воспринимать которые люди могут положительно (и тогда это гармония с окружающим миром) или отрицательно (в этом случае речь идет о несогласии и разладе со сложившимся положением вещей). По наблюдению Н. А. Добролюбова, «пословицей оканчивается иногда важный спор, решается недоумение»¹, что также немаловажно для нашего исследования, ведь спор – частное проявление разлада.

Пословицы и поговорки, пожалуй, наиболее вместилищные, «упакованные», слаженные фольклорно-литературные жанры. В чем проявляется эта слаженность? Прежде всего, в словесно-художественной форме. «Это сложено удивительно складно (курсив здесь и далее наш. – М. Т.)»², – говорит В. И. Даль в «Напутном» к своему сборнику «Пословицы и поговорки русского народа» по поводу одной из пословиц. Чуть далее встречаем: «Пословица большею частью является в мерном или складном виде»³. Здесь Даль говорит уже о пословицах вообще, акцентируя внимание на их внешней стройной организации, имея в виду ритм и рифму, которая зачастую им присуща. Даль выделяет разные типы рифмы в пословицах и поговорках: созвучие в конце стиха («Много лихости, мало милости») и рифмовка слов, на которые падает логическое ударение («От сумы да от тюрьмы не зарекайся»). Напомним, что слова *ладный*, *складный* находятся в одном синонимическом ряду со словом *гармоничный*. Ладная форма пословиц и поговорок уже несет в себе некоторую внутреннюю структурную гармонию.

Но складная (ладная) форма – всего лишь содержательная экономная пословично-поговорочная оболочка: «Большая часть пословиц без красного склада и без правильного однородного размера; лад или мера в них, однако, есть, как во всякой складной, короткой речи, и лад этот даёт ей певучесть и силу»⁴. И действительно, лаконичность пословиц и поговорок делает их особенно меткими, способными в нескольких словах запечатлеть самую суть явления, наградить кого-либо изобретательной и ёмкой характеристикой, указать на правильную (или сомнительную) линию поведения. По определению М. А. Рыбниковой, пословицы и поговорки «наполняют наш язык “узелками образов”, чрезвычайно живых и эмоциональных, помогающих говорящему ярко оценивать различные явления»⁵.

Отметим, что в работах авторитетных фольклористов и культурологов пословицам и поговорокам

уделяется на удивление мало внимания. Большой интерес представляют труды А. А. Потебни и М. А. Рыбниковой. А. А. Потебня обращается к генетическому родству пословиц и басен, а М. А. Рыбникова подробно исследует жанровое своеобразие поговорок. Изучению пословиц и поговорок (в частности, их жанровой специфике) посвящены работы В. П. Аникина, Г. С. Гаврина, А. Н. Кожина, Л. А. Морозовой и других исследователей. Все они так или иначе опираются на пословично-поговорочный свод В. И. Даля, который остаётся самым авторитетным изданием в этой области. Мы обратились к труду В. И. Даля «Пословицы русского народа» как к наиболее полному собранию пословиц и поговорок с целью проследить, каким образом в них реализуются мотивы разлада и гармонии, характеризующие русское национальное, художественно-ценностное сознание в первой половине XIX в.

Прежде всего, стоит отметить, что в сборнике представлены три тематических раздела, в заглавии которых присутствуют слова, относящиеся к лексико-семантическим полям «Гармония» и «Разлад»: «Брань – привет»; «Мир – ссора – спор»; «Ссора – брань – драка». Пословицы и поговорки в них посвящены согласию (мир) или различным частным проявлениям разлада (ссора, спор, драка, война, брань) между двумя или более людьми. К этой же категории можно отнести раздел «Друг – недруг», в котором собраны пословицы о дружбе (гармоничных отношениях) и вражде (несогласии).

В разделе «Брань – привет» мотив разлада проявляется в тех бранных словах, которыми традиционно награждают своего противника в ссоре. Их можно условно разделить на несколько групп. Основная масса пословиц и поговорок этого раздела связана с пожеланием болезней, недомоганий, физических увечий недругу. Недуги варьируются от слабых, мгновенно поражающих, но относительно быстро проходящих («Прикусишь бы тебе язык!») до сильных и долговременных («Чтоб тебя лихая болезнь взяла!»). Множество «пожеланий» прокладывает своеобразный мостик между этими двумя полюсами. Некоторые пословицы словно нанизывают одну хворь на другую («Сип тебе в кадык, типун на язык, чирый во весь бок!»), другие призывают на врага серьёзную болезнь («Чтоб тебя прохватило насквозь!»; «Чтоб тебя свело да скорчило, повело да покорило!»), пока не появляется совершенно беспощадное «Чтобы ты разорвало, чтоб тебя пополам, да в черепья!».

Другая обширная группа пословиц связана с попыткой отдать неприятеля на расправу нечисти: «Чтоб тебя Баба-Яга в ступе прокатила!»; «Ну его к бесу, сатане, чёрту!»; «Ну его на Лысую гору к ведьмам!». Сюда же можно отнести различные вариации пословиц и поговорок, в которых мы сталкиваемся с феноменом заколдованного места: «Ступай пропадать: отойди да провались!»; «Про-

вались он в тартарары, провались сквозь землю!»; «Провал тебя возьми! Провалиться бы тебе сквозь землю!». Заметим, что в некоторых из подобных пословиц (как, например, в пословице «Ступай пропадать: отойди да провались!») говорящий намеренно дистанцируется от заколдованного места, отправляя на него своего врага.

Ещё в разделе «Брань – привет» есть ряд пословиц, в которых врагу желают испытаний не на этом свете, а на том: «Чтоб тебе и на том свете без пристани приставать!»; «Чтоб ему на том свете икалось!»; «Да упокоятся кости его, аки жернов мельничный». В некоторых пословицах подобное пожелание выражается не прямо, а косвенно: «Умереть бы тебе без попа, без дьякона, без свечей, без ладана, без гроба, без савана!». В этой пословице речь идёт исключительно о моменте смерти, но известно, что по христианским представлениям смерть без покаяния («без попа, без дьякона») значит отсутствие покоя на том свете.

Таким образом, в разделе «Брань – привет» мы встречаемся с пожеланиями различных напастей, которыми враги «угощают» друг друга во время раздора. Здесь наблюдается переход от неприятностей, призываемых на противника на этом свете (первая группа пословиц), к вечным мучениям, на которые говорящий хочет обречь недруга после смерти, к самой страшной каре, от которой невозможно избавиться, в отличие от страданий, постигающих при жизни. Промежуточной группой являются пословицы, призывающие помощь нечистой силы – посланцев потустороннего мира, чтобы испортить жизнь врагу на этом свете, до его смерти.

Тем не менее, несмотря на обилие негативных пожеланий, в этом разделе всё же утверждается торжество доброго слова и согласия: «На добром слове кому не спасибо?»; «И собака ласково слово знает». «От доброго слова язык не усохнет», – гласит одна из пословиц, в которой, в отличие от побранок, призывающих болезни, проявляется несовместимость хороших ласковых слов, идущих от сердца, и недуга. Согласие предпочтительнее и сильнее любого раздора: «Благословенье лучше проклятья»; «Кроткое слово гнев побеждает».

В разделе «Друг – недруг» также можно выделить несколько смысловых зон, в каждой из которых мотивы разлада и гармонии проявляются по-разному. Одной из таких областей является группа пословиц и поговорок, посвященных сходству характеров, нравов как основе гармоничных взаимоотношений: «Собака собаку знает»; «Ворон ворону глаза не выклюет»; «Рыбак рыбака видит издалека» и многие другие. Все эти пословицы примерно одинаковы – меняется только субъект. Другие же – противоположные первым – говорят о том, что разница в положении людей, их характерах и условиях жизни – начало разлада: «Гусь свинье не товарищ»⁶; «Овце с волками худо жить»; «Пеший конному не товарищ»; «Стоячему с сидячим трудно говорить»; «Сапог лаптю не

дружка» и т. д. Но овцы и волки не могут мирно сосуществовать друг с другом, так устроено природой, а гусь и свинья слишком не похожи друг на друга, чтобы быть «товарищами» – так и должно быть. Таким образом, обозначая разлад в отношениях, эти пословицы утверждают гармонию миропорядка.

Особо стоит сказать о пословицах, утверждающих, что посланцы нечистой силы заведомо существуют в полном согласии друг с другом: «Мил чёрт одному сатане»; «Чёрт дьяволу родимый»; «Сбирайтесь, бесы, сатана-то здесь!». Эти пословицы внешне близки к тем, что полагают сходство основой гармоничного сосуществования и товарищества. Но при этом нечистая сила противопоставляется роду людскому – они искони не ладят между собой: «Бес беса хвалит, а людям беды ладит». Получается, что представители нечистой силы вносят неприменный разлад в безбедную жизнь людей, но при этом находятся в гармонии друг с другом.

Другая группа пословиц утверждает, что дружеские гармоничные отношения (чаще всего отношения бытовые, гостевые, застольные) преобразуют действительность в лучшую сторону: «Был я у друга, пил я воду слаще мёда»; «Одному и пьяно, да не мило; с другом и хмельно, да умно».

Много пословиц и поговорок рассматривают лад между друзьями с точки зрения денежной выгоды/убытка. Эти пословицы можно разделить на две части. Первые утверждают, что деньги никак не влияют на согласие друзей, приятелей, близких людей: «Счёт дружбы не испортит»; «Свои люди, сочтёмся»; «Что за счёты между друзьями?»; «Доброе братство милее богатства». Сюда же можно отнести пословицы, которые уверенно ставят дружбу выше любого богатства: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей»; «Друг денег дороже». В иных пословицах, напротив, говорится о несомненном влиянии достатка или недостатка денег, а также займа на приятельские отношения: «Нужда сдружила, приволье раздружило»; «Не давай денег, не теряй дружбы»; «Называется другом, а обирает кругом».

Основная же часть пословиц этого раздела представляет собой метафорическое описание дружеского согласия («Эка дружба! Топором не разрубишь»; «Иже на како не солгут) или (отметим, что этих пословиц больше) иносказательного изображения раздора («Как кошка с собакой»; «Полубил его, как собака палку» и т. д.).

Отдельно остановимся на пословицах, в которых наблюдается психологически сложное и противоречивое переплетение мотивов разлада и гармонии: «Не люби друга потаковщика, люби встречника»; «Недруг поддакивает, а друг спорит». Дружеские отношения, которые должны быть в целом гармоничными и ладными, не только не исключают споров, но и не могут обходиться без них. Всё дело в том, что здесь мотивы разлада и гармонии сталкиваются с категорией правды.

Ложь – это своего рода разлад между словами и действительностью, а правда – их гармоничное соответствие друг другу, а значит, согласие между ними. Друг спорит, высказывая своё истинное мнение. Таким образом, слова, находящиеся в согласии с действительностью, вносят в отношения разлад (спор как частное его проявление). Враг же, напротив, льстит и соглашается, преследуя корыстные цели, прикрывая лживые слова, находящиеся в противоречии с реальностью, мнимым согласием, так называемым поддакиванием.

В разделе «Мир – ссора – спор» на первый план выходит понятие «мир», синонимичное согласию и гармонии. В народном сознании мир становится логичным, естественным и желанным завершением ссоры: «Хорошо браниться, когда мир готов»; «Всякая ссора красна мировою». Достижение согласия намного важнее и нужнее, чем ссора, которая тоже бывает нужна: «Кстаги бранись, а и не кстаги, да мирись!». Стремление народа к мирной жизни и попытку избежать разлада отражают многие пословицы раздела «Суеверия – приметы»: «Не играй ножом, ссора будет»; «Через порог ничего не принимать – будет ссора».

Раздел «Ссора – брань – драка» весьма противоречив: здесь сталкиваются как пословицы и поговорки, позиционирующие разлад и его внешние проявления (ссору, брань, драку) как величайшее зло («Ссора до добра не доводит»; «В ссорах да во вздорах пути не бывает»), так и те, в которых говорится о неизбежности и даже необходимости ссор («Как ни колотись, а без брани не житье»; «Сколько ни мучиться, а без ссоры не прожить»).

В других разделах также встречаются пословицы и поговорки, в которых проявляются мотивы разлада и гармонии. Мы останавливаемся лишь на самых многочисленных и важных группах.

Прежде всего, необходимо отметить, что женщина в народном (мужском по преимуществу?) представлении неразрывно связана с разладом («Стели бабе вдоль, она меряет поперёк»), бранью («Собака умней бабы: на хозяина не лает»; «Бабий язык, куда ни завались, достанет») и нечистой силой («Вольна баба в языке, а чёрт в бабьем кадыке»). Женщина считается зачинщицей всевозможных скандалов, она их провоцирует и виновата в них изначально: «Женщина виновата искони бе».

Второй противоречивой группой пословиц оказываются изречения, связанные с феноменом денег. Деньги становятся источником разлада. Иногда даже согласие в отношениях объясняется лишь отсутствием взаимной материальной заинтересованности: «Нам с тобой нечего ссориться, наследства не делить».

Кроме того, деньги могут быть причиной не только межличностного разлада, но также внутреннего беспокойства, дисгармонии: «Богатому не спится, богатый вора боится».

В относительно небольшом разделе «Сосед – рубеж» почти каждая пословица и поговорка име-

ет отношение к категориям гармонии и разлада. Большинство пословиц этого раздела утверждает, что сосед – это близкий человек, хороший друг: «Без брата проживу, а без соседа не проживу»; «Жить в соседах – быть в беседах»; «Близкий сосед лучше дальней родни». Однако насколько бы гармоничными не были отношения между соседями, народная мудрость предупреждает: «С соседом дружись, а за саблю держись». Поэтому как бы дружно и ладно не жили соседи, необходимо очертить границу владений, за которую не стоит переступать: «С соседом дружись, а тын (забор) городи», «Без межи не вотчина». И тут же подчеркивается, что граница, раздел – источник раздоров: «Межи да грани – ссоры да брани». Кроме того, «на межах да распутьях нечистая сила», а нечистая сила несет разлад и беды в жизнь людей, нарушает мировую гармонию.

Интересен с точки зрения реализации мотивов разлада и гармонии раздел «Бог – вера». В общем и целом он выходит за рамки оппозиции «гармонично – не гармонично», поскольку Божья воля всегда правильна, соответственно, где Бог – там гармония. «Свет в храмине от свечи, а в душе от молитвы» – в этой пословице слово «свет» – контекстуальный синоним понятий «умиротворение», «спокойствие», «гармония». Молитва – средство общения с Богом – становится проводником света в человеческой душе. Божья воля правильна, а значит, неоспорима: «С Богом не поспоришь»; «С Богом не спороваться».

Безусловно, в каждом разделе есть пословицы и поговорки, апеллирующие к категориям гармонии и разлада. Но так или иначе они относятся к смысловым доминантам, выделенным нами в этой статье. Как мы видим, в зафиксированном В. И. Далем своде русских пословиц и поговорок вся безоглядная картина жизни, начиная от внутреннего мира отдельной личности и заканчивая беспредельным мирозданием, размещается между двумя полюсами – гармонией и хаосом (зачастую, синонимом разлада).

Примечания

- ¹ Добролюбов Н. О некоторых местных пословицах и поговорках Нижегородской губернии // Добролюбов Н. Полн. собр. соч. : в 6 т. Т. 1. М., 1934. С. 493.
- ² Даль В. Пословицы русского народа. М., 1862. С. 31.
- ³ Там же. С. 29.
- ⁴ Там же. С. 32.
- ⁵ Рыбникова М. Русские пословицы и поговорки. М., 1961. С. 19.
- ⁶ Этой пословице уделяется особое внимание в нашей работе, поскольку она представляет для нас интерес в связи с повестью Н. В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Напомним, что Иван Никифорович назвал Ивана Ивановича гусаком, а прошение Ивана Никифоровича утащила бурая свинья. В статье «Мотив ссоры

в цикле повестей Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки») мы говорили о том, что «ссора является неперменным атрибутом действий нечисти. Провоцируя конфликты, потусторонние силы проникают в жизнь людей, трансформируя установленный миропорядок» (Трухина М. В. Мотив ссоры в цикле повестей Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Филологические этюды : сб. науч. ст.

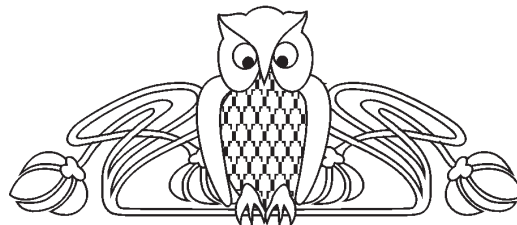
молодых ученых. Вып. 14, ч. 1. Саратов, 2011). Таким образом, налицо взаимосвязь мотива ссоры (частного проявления мотива разлада) и мотива нечистой силы. Перспективным представляется размышление о связи мотивов нечистой силы и гармонии у Гоголя – находятся ли представители потусторонних сил в согласии между собой, как в пословично-поговорочной традиции.

УДК 821.161.1.09+929 Гоголь

О ЧЕРТЫХАНИЯХ ГОГОЛЕВСКИХ ГЕРОЕВ

Е. Е. Завьялова

Астраханский государственный университет
E-mail: zavyalovaelena@mail.ru

В статье рассматривается специфика экспрессивных высказываний, связанных с упоминанием чёрта; устанавливается динамика изменений, которые эти формы претерпевают. Делается вывод, что чертыхания – это один из значимых элементов гоголевской поэтики, который помогает донести до читателя горькие истины. **Ключевые слова:** чертыхания, междометные выражения, щегольской жаргон, гендер, социокультурное различие, inferнальность, мифология.

голем стилистически маркированных выражений всё ещё недостаточно исследован. В связи с этим мы рассматриваем специфику экспрессивных высказываний гоголевских героев, связанных с упоминанием нечистой силы, конкретнее – чёрта; установили динамику изменений, которые эти формы претерпевают на протяжении творческого пути писателя. Для получения более доказательных выводов мы обратились к анализу текстов, применив метод сплошной выборки. В результате проведённой работы установлены следующие факты.

On Gogol's Heroes' Swearing Mentioning the Devil

Е. Е. Zavyalova

This article discusses the specifics of expressive sayings associated with mentioning the devil; the dynamics of changes these forms are undergoing is revealed. It is concluded that mentioning evil spirits is one of the most important elements of Gogol's poetics, which helps to convey to the reader the bitter truth.

В отличие от художественных произведений, в публицистике Н. В. Гоголя чертыханий практически нет. Более того, изучение соответствующих черновики позволяет сделать вывод, что писатель сознательно избегает подобных выражений. Например, в «Петербургских записках 1836 года» изымается междометное сочетание из предложения «Однако ж, чорт⁹ возьми, странный русской народ...»¹⁰; только в черновом варианте статьи «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» остаётся сравнение «Как чорт вертелся несколько часов...» (VIII, 528) и т.д. Указанные факты свидетельствуют о том, что для Н. В. Гоголя упоминания в текстах нечистого – особый приём, позволительный в одних случаях и недопустимый в прочих.

Key words: swearing mentioning the devil, interjection expressions, dandy jargon, gender, socio-cultural distinction, infernality, mythology.

Ориентированные на фольклор «Вечера на хуторе близ Диканьки» вбирают традиционные сюжеты быличек, других жанров устного народного творчества, писатель изображает соответствующих демонологических персонажей. Поэтому оскорбительные в обыденной жизни выражения в пространстве малороссийских историй нередко приобретают иную коннотацию: Вакула говорит Пацюку, что тот приходится «немного сродни чорту» (I, 223), голова, любящая Солохой, восхищённо восклицает: «Эх, добрая баба! Чорт-баба!» (I, 211), Басаврюк величает ведьму «старой чертовкой» (I, 145) и т.д.

Объясняя частое употребление чертыханий в гоголевских текстах, литературоведы выдвигают несколько к тому оснований, среди которых:

- 1) адекватное отображение социальной среды¹;
- 2) передача национального реалистического колорита²;
- 3) привнесение элементов народной смеховой культуры с её стихийно-материалистичным характером³;
- 4) воспроизведение языческого миропонимания⁴;
- 5) противопоставление «своего» мира «чужому»⁵;
- 6) указание на заблудшее сознание персонажей, оказавшихся в «нечистом» пространстве⁶;
- 7) выделение в портрете героя inferнальных примет⁷;
- 8) и даже – утверждение антиапокалиптической идеи⁸.

Несмотря на пристальное внимание к обозначенной теме, вопрос об использовании Н. В. Го-

столкновение героев повестей со сверхъестественной силой вызывает у них страх, раз-